

FILONENKO Viktor Ivanovich, Dr.Sci. (Soc.), Director of the Center for Socio-political Researches, Southern Federal University (105/42 Bol'shaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; vfilonenko@sfnedu.ru)

SHTOMPEL Liudmila Aleksandrovna, Dr.Sci.(Philos.), Head of the Chair of Theory of Culture, Ethics and Esthetics, Institute of Philosophy and Socio-political Sciences, Southern Federal University (105/42 Bol'shaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; lashtompel@gmail.com)

SHTOMPEL Oleg Mikhailovich, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of Theory of Culture, Ethics and Esthetics, Institute of Philosophy and Socio-political Sciences of the Southern Federal University (105/42 Bol'shaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; shtompel@donpac.ru)

PONEDELKOV Aleksandr Vasil'evich, Dr.Sci.(Legal), Professor; Honored Scientist of Russia, Head of the Chair of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management – brunch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; ponedelkov@skags.ru)

CULTURAL ASPECTS OF THE RUSSIAN STUDENTS' HISTORICAL MEMORY

Abstract. Historical memory is considered as the projection of the cultural memory, which is beyond the experience of the certain individual and embodies in various texts of culture. Cultural literacy of Russian students is investigated from this point of view. The contents, channels and forms of cultural literacy are changing in a transitive society. Preservation of historical memory gives the students chance to fit into the world of the common for Russians valuable preferences, ideals, standards of behavior and communication, which is an important factor of stabilization of a social order.

These theoretical calculations were concretized during the sociological researches of historical and cultural competence of students of higher educational institutions, conducted in the Rostov region in 2012, 2014, 2015. The authors mark in particular a number of contradictions, which indicate deficiencies in the education and training of students.

Keywords: historical and cultural memory, cultural competence, students, social order

РЫЖОВА Светлана Валентиновна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнической социологии Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; Silica2@yandex.ru)

О ЦЕННОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются междисциплинарные дискуссии о характере современной русской этничности. По результатам всероссийского социологического исследования при участии автора (мониторинг ИС РАН, 2-я волна, 2015) выявляются основные ценностные характеристики россиян. Наиболее востребованными оказались качества, которые отражают дефицит продуктивной гражданской межличностной кооперации и сотрудничества («уважение друг к другу», «взаимопомощь», «честность»). С опорой на гипотезу о ценностной значимости недостающего (Р. Инглхарт) был сделан вывод о том, что идентичность современных россиян (преимущественно русских) отражает опыт болезненных социальных трансформаций, дефицит социального капитала и деформацию традиционных культурных основ межличностной солидарности.

Ключевые слова: этническая идентичность, культура, ценности, социальный капитал, модернизация

Осмысление характера и особенностей русской этничности имеет длительную историю. «Русская идея» актуализируется в дискурсе философии и литературы и проявляет себя, самое позднее, в «Философических письмах»

П.Я. Чаадаева — в противостоянии славянофилов и западников и далее, через творчество Ф.М. Достоевского и русских философов-эмигрантов первой половины XX в., плавно перетекает в современные диспуты о характере русского пути и особенностях русской ментальности. Особенности русской этничности и русского народного менталитета, как правило, связываются с характером русской политической и традиционной культуры, в значительной степени конституированной православным базисом.

Роль этнической культуры как резервуара и хранилища ценностей, смыслов, символов и инструментов целеполагания особенно активно проявляется в периоды бурных общественных трансформаций. В период радикальных реформ 1990-х гг. именно этнокультурные символы и культурно окрашенные ценности вышли на первый план, заместив собою обветшавшие ценности идеологического порядка. Весь период пореформенного развития этничность и традиционные нормативные ценности остаются значимым явлением российской социальности. Осмыслению этих явлений была посвящена дискуссия, состоявшаяся в 2014 г. на страницах журнала «Власть» [Русская матрица... 2014], круглый стол под эгидой фонда «Либеральная миссия» [Куда ведет кризис... 2011], диспуты на различных общественных площадках.

Современная Россия стоит перед выбором своей идентичности. Ответ на вопрос: «Какие мы — русские, россияне?» — ищут не только писатели, журналисты и деятели культуры. Он приобретает смысл и особую актуальность в общественном, научном, политическом дискурсе, т.к. от ответа на него зависит вектор дальнейшего развития страны, ее политическое устройство и экономические перспективы.

Социокультурным переменным отводится ведущая роль, когда говорят о модернизационном рывке, подразумевающим переход к качественно иному экономическому, политическому типу общественного устройства. Под социокультурной модернизацией в самом общем смысле понимается формирование определенных характеристик социального активизма, которые как неотъемлемую часть включают в себя опору на рациональный тип мышления и внутренний локус контроля, высокий уровень межличностного доверия, толерантности к социальному разнообразию, отделение «светского» от «религиозного». Актуальны ценности, поддерживающие структуры гражданского общества и инновационные ориентации — достижительность и ответственность, готовность к риску, политическая активность.

Вместе с тем модернизация не исключает, а подразумевает опору на традицию. Все больше специалистов признают многообразие форм модернизаций и модернистских культур [Федотова 2016: 307; Паин 2009], постулируют, что наравне с универсальными ценностями каждая культура формирует собственные ценностные опоры, обеспечивающие модернизационное развитие [Лебедева, Татарко 2009: 352].

Эксперты отмечают незавершенный характер российской модернизации, ведут споры о том, что мешает ее завершению и указывают на ведущую роль культуры и ценностей в обеспечении перехода страны к стадии устойчивого современного развития. Высшие лица государства говорят о ценностных основах российского общества, о необходимости «духовного, культурного, национального самоопределения», без которого нет поступательного развития. В качестве специфических российских условий новейшего времени президент упоминает травматичный опыт XX в., когда дважды была разрушена российская государственность, произошел разрыв традиций, пострадали «культурные и духовные коды нации»¹.

¹ Путин В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». — *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (проверено 4.04.2016).

Упоминается, что в современной России отсутствует национальная идея, основанная на национальной идентичности.

Проблемы «русского пути» обсуждаются с помощью культурологических, исторических, психологических, политологических концептов и подходов. В качестве культурных образцов, обеспечивающих продвижение или отставание России, осмысливаются исторически укорененные ценности и идеалы, символы, смыслы, стереотипы социального взаимодействия, не только «программирующие» поведение членов общества на уровне повседневности, но и определяющие характер их идеологических, политических, экономических установок. Специалисты разного профиля и разных мировоззренческих ориентаций пытаются вскрыть те особенности русской культуры, которые могли бы стать основой для воспитания инновационных установок или опорой для формирования на российской почве эффективно работающих социальных институтов, призванных обеспечить модернизационный скачок и гражданское развитие России. При этом ресурс для социокультурной модернизации пытаются найти в т.ч. в обусловленных этнической культурой ценностных характеристиках русской ментальности.

В стремлении уловить суть и характер российского развития культурологи и историки создают междисциплинарные понятия, такие как русская система (Ю. Пивоваров, Ф. Фурсов), русская матрица (А. Пелипенко, С. Кара-Мурза и др.), русские культурные комплексы, русские культурные коды, культурные гены и геномы, упоминаются также и архетипы. С помощью этих понятий исследователи стремятся описать исторически обусловленные культурные и политические смыслы и практики, а также проникнуть в слой коллективного бессознательного современного российского социума. По мнению авторов, именно в этих конструктах и почвенных образованиях заключена причина и следствие русской самобытности и русской отсталости. Анализ сосредоточен на концептуализации того, что можно охарактеризовать как проблемные и дефектные компоненты русской традиционной, политической и современной гражданской культуры.

Ф. Фурсов и Ю. Пивоваров «изъяны» русской системы усматривают в исторически обусловленном характере института централизованной и авторитарной власти в России [Фурсов, Пивоваров, 1999]. А. Пелипенко трагические особенности русского пути выводит из характеристик так называемой русской матрицы, зародившейся в недрах русской этнической (национальной) культуры. Указывая на то, что русская матрица – это особенная система самоорганизации общества, в числе ее неотъемлемых характеристик автор называет антагонизм общества и власти, внутреннюю противоречивость и раздвоенность между Европой и Азией. Истоки русской матрицы – этнокультурные, а не политические; она коренится и проявляет себя в таких чертах русской ментальности, как архаизм, инфантильность, мифологичность [Пелипенко 2014].

Эксперты нередко отмечают, что традиционные ценности русской культуры низкопродуктивны, т.к. они отражают «аграрно-феодальный тип экономики» и жесткую иерархическую структуру властных отношений, сложившихся в России [Ясин 2003: 3].

В конечном итоге, в подобных дискуссиях речь идет о необходимости изменения русской ментальности (или даже уничтожения ее, как у Пелипенко), о формировании новых культурных кодов. Очевидно, что в понимании авторов русская матрица как проблемное ядро русской (в этническом смысле) ментальности или русская система (как культурно обусловленный характер «неравновесного» взаимодействия власти и общества) в значительной степени обусловлены ценностями и практиками традиционной русской народной и политической культуры.

В статье, основываясь на данных социологического исследования, мы попытаемся ответить на вопрос: какие конкретно элементы современной русской (в этническом смысле) ментальности препятствуют продвижению России по пути продуктивного развития?

В идентичности русских как этнического большинства страны эксперты различных отраслей знания пытаются обнаружить ценностные опоры для поступательного развития, дискутируется роль традиционных норм и представлений в политических и экономических установках россиян. Этносоциологические исследования, осуществленные отделом этнической социологии ИС РАН в 1994–2016 г.г.¹, показывают, что за 20 лет постсоветского развития русские прошли путь от этнической индифферентности, практически утраченного этнического самосознания к этнической актуализации, ориентирующей людей на активный поиск идеологических, культурных, в ряде случаев – политических оснований для нового самосознания [Рыжова 2011]. Осознание принадлежности к своему народу, своей этнокультурной традиции выражается в массовом росте этнического самосознания и религиозности. По данным всероссийского социологического исследования 2015 г.², сегодня 79% россиян «никогда не забывают о своей национальности», и только 12% не разделяют это мнение. Столь же высока и этническая солидарность, выражающаяся в поддержке суждения: «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности». В результате слабости политических и правовых категорий самоопределения современная российская идентичность формируется с сильным участием этнокультурного компонента, что имеет и историческую подоплеку. Отметим, что гражданско-политическая категория «россияне» исторически складывалась под влиянием этнокультурных факторов, ведя свое происхождение от церковного дискурса. Наименование «Росия» (с одним «с» – в соответствии с греческим оригиналом) появляется в XIV–XV вв. как византийское наименование Русской митрополии Константинопольского патриархата православной церкви. Согласно исследованиям современного историка Б.М. Клосса, оно впервые упоминается в титуле русского митрополита Киприана и в 1435 г. включается в Церковный богослужебный устав [Клосс 2012]. Благодаря этому новые категории «Россия» и «россияне», наравне с устоявшейся категорией «Русь», постепенно проникают в массовое сознание народа.

По сути, в современных междисциплинарных дискуссиях о специфике «русского пути» речь идет, по точному выражению А. Кончаловского³, о необходимости реформации русского сознания. С социологической и социально-психологической точек зрения этот вопрос оборачивается необходимостью исследования культурно обусловленных ценностных оснований, укорененных в русском (российском) сознании, тесно взаимосвязанных с исторической памятью (как неосознаваемым наследием) и в известной мере опосредующих современные установки в сфере экономического, политического поведения и гражданского сознания. Следует отметить, что культура при этом подходе рас-

¹ В рамках исследовательских проектов: «Посткоммунистический национализм, этническое самосознание и регулирование конфликтов» (1993–1996); «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2002); «Российская идентичность: потенциал формирования в Москве и регионах» (2007–2008); «Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра» (2011–2012); «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (2014–2016). Руководитель проектов – Л.М. Дробижина. Автор статьи – постоянный участник, разрабатывает темы идентичности, религиозности, доверия.

² Мониторинг Института социологии РАН, вторая волна. 2015. Руководитель М.К. Горшков.

³ Кончаловский А. 2012. Надо разобраться с культурным геномом. – *ПолитЭкономика.Ру*. Политический журнал. 14.06.2012. Доступ: <http://www.politekonomika.ru/may-june2012/nado-razobratsya-s-kulturnym-genomom/> (проверено 05.05.2016).

сматривается исключительно с социально-антропологических позиций — как особый способ восприятия мира, закрепленный в специфическом укладе жизни, ценностных ориентациях, верованиях, мифах, а также традициях, обрядах и публичных ритуалах, которые, согласно Вундту, выражают «направление воли» народа [Вундт 2002].

Очевидно при этом, что русская, как и любая другая, культура не исчерпывается проблемным содержанием русской матрицы (или русской системы, кодов, архетипов и прочих концептов), она шире и, помимо проблемных и «дефектных» характеристик, несет в себе и продуктивное начало.

Ценностные характеристики современной русской этничности. В общероссийском социологическом исследовании, проведенном ИС РАН в 2015 г.¹, нами предпринята попытка эмпирического выявления и анализа ценностных характеристик, лежащих в основе современной русской (российской) идентичности. В ходе исследования задавался вопрос: «Как Вы считаете, каких качеств сегодня недостает людям Вашей национальности?» Респонденту предлагалось выбрать 3 любых качества из предложенного списка: «уважение друг к другу», «честность», «работоспособность», «самостоятельность», «взаимопомощь», «предприимчивость», «духовность, нравственность», «ответственность», «уверенность в своих силах».

В основе нашего исследовательского подхода лежит концептуальное допущение, основанное на особом представлении о ценности. Это идея из области экономической теории, которая гласит, что ценность — это редкость, это то, чего не хватает людям для благополучия и счастья. На идею «ценностной значимости недостающего» опирался Р. Инглхарт в своем проекте всемирного исследования ценностей [Инглхарт 1997: 13]. Из российских исследователей о ней пишет А. Аузан [Аузан 2010], использует в лекциях И. Кузнецов².

Поэтому в нашем исследовании в целях определения актуальных, наиболее востребованных на сегодняшний день ценностных оснований русской этничности мы спрашивали не о том, какими качествами обладают русские, а о том, каких качеств им недостает, какие качества ощущаются ими как дефицитные и в силу этого воспринимаются как желаемые, как насущная необходимость для поступательного развития. В контексте нашего исследования — это те культурные характеристики (не активные, но имплицитно присутствующие в слое коллективного бессознательного), которых сегодня не хватает людям для выхода из «исторической колеи» инерционных сценариев политического и экономического развития.

Вопрос о «недостающих качествах» по механизму действия близок к ассоциативному тесту, и поэтому позволяет исследователю прояснить неосознаваемые стремления людей к обретению важных, дефицитных, «опорных» свойств, позволяющих найти внутреннее равновесие, стабильность и перспективы, стать фундаментом для формирования позитивных общегражданских установок. В представлениях русских о себе недостающие качества указывают на некий желаемый идеал, который бы уравновесил те свойства, которые в полноте присутствуют в поведении и установках русских как культурной общности и являются препятствием для успешного развития.

Отвечая на вопрос: «Каких качеств сегодня недостает людям Вашей национальности?» — русские чаще всего называют «уважение друг к другу» (58%), «взаимопомощь» (41%), «честность» (39%), «ответственность» (29%), т.е. те качества, которые отражают ценность доброжелательного межличностного сотрудничества и честной кооперации (см.табл. 1).

¹ Мониторинг Института социологии РАН. Вторая волна 2015. Руководитель М.К. Горшков.

² Кузнецов И.М. Россия как контактная цивилизация. — *Polit.py.* Январь 2007. Доступ: http://polit.ru/lectures/publ_lect/2007/01/ (проверено 05.05.2016).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Каких качеств сегодня недостает людям Вашей национальности?», %

Качества	Русские	Нерусские	Все опрошенные
Уважение друг к другу	58	39	56
Честность	39	31	37
Работоспособность	25	20	24
Самостоятельность	11	21	12
Взаимопомощь	41	33	40
Предприимчивость	10	14	11
Духовность, нравственность	27	25	27
Ответственность	29	27	29
Уверенность в своих силах	19	32	20

Инонациональные россияне как недостающие людям их национальности чаще всего называют те же качества, но их значимость для них заметно ниже – «уважение друг к другу» – 39% (у русских – 58%), «взаимопомощь» – 33% (у русских – 41%), «честность» – 31% (у русских – 39%). У русских на 4-м месте среди недостающих качеств идет «ответственность», а у инонациональных россиян – «уверенность в своих силах». Уверенность в своих силах как недостающее качество называют 32% нерусских россиян и только 19% русских, а «самостоятельность», соответственно, 11% русских и 21% нерусских, что обнаруживает бóльшую значимость ценностей самостоятельности и уверенности для инонациональных россиян.

Можно сказать, что русские за 20 лет реформ вполне ощутили свою самостоятельность и предприимчивость, поэтому эти качества для них не столь важны (11% и 10%). Уверенность в своих силах – тоже не самое востребованное качество (19%), что дает основание говорить о том, что самостоятельность, предприимчивость и уверенность в своих силах имплицитно свойственны большинству русских. А наиболее востребованными ценностями оказались те, которые отражают дефицит фундаментальных норм общественного взаимодействия и гражданской межличностной солидарности. И в этом проявляется общая тенденция – сегодня русским (и всем россиянам) недостает простых и основополагающих ценностей, отражающих нормы честного общежития, взаимного уважения, культуры доверия, составляющих основы общества как такового.

Уровень доверия в России в сравнении со странами западной демократии невысок. Согласно Всемирному исследованию ценностей по показателям обобщенного доверия Россия (27,8%)¹ находится среди стран посткоммунистического блока, уровень доверия в которых был подорван травматичным опытом социально-экономических и политических трансформаций, и значительно отстает от западных демократий (Великобритания, Германия, США, Канада, страны Северо-Западной Европы, Япония). Тем не менее современные отечественные исследования в регионах России с применением простой 4-балльной шкалы позволяют заключить, что страна подошла к «точке равновесия» доверия и недоверия [Ресурс... 2014]. Исследования, осуществленные в регионах России с различным социально-экономическим, политическим статусом и этнокультурной вариативностью (Москва, Московская, Калининградская, Астраханская

¹ Всемирное исследование ценностей, 6-я волна (2010–2014). Доступ: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (проверено 25.04.2016).

обл.), показали, что масштаб обобщенного доверия («людям вообще») поддерживается на уровне свыше 40% (47% в Москве; 45%, 48%, 42% соответственно в Астраханской, Калининградской, Московской обл.). Масштаб обобщенного недоверия пока выше и колеблется вокруг 50% (47% в Москве; 54%, 49%, 52% соответственно в Московской, Астраханской, Калининградской обл.). Можно с осторожностью предполагать, что уровень обобщенного доверия постепенно будет расти. Высокие показатели доверия родственникам (свыше 90% во всех регионах), друзьям (около 90% во всех регионах), соседям (свыше 60% во всех регионах) говорят о том, что потенциал межличностной солидарности, построенный вокруг ближайшего родственного круга и круга хорошо знакомых людей, достаточно высок.

Тормозом для более широкой гражданской консолидации выступает низкий уровень доверия социальным институтам, призванным на местном уровне выполнять управленческие функции и обеспечивать поддержание правопорядка. Недостаточное доверие представителям местной власти (района, населенного пункта) (36% в Москве, 30% в Московской обл. и 40% в Астраханской) говорит об отчужденности от нее и слабом потенциале локальной политической самоорганизации, а низкое доверие судьям (25% в Москве; 26%, 32%, 36% соответственно в Московской, Астраханской, Калининградской обл.) — о дефиците правовых отношений и кризисе правосознания.

Отметим, что доверие людям «ближайшего круга» — членам семьи, друзьям, соседям, а также обобщенное доверие («людям вообще») не зависит от национальности. В исследованных регионах представители русского и инонационального населения демонстрируют сходные установки.

Однако описанный выше дефицит ценностей общественной, гражданской межличностной кооперации и сотрудничества, которые строятся и поддерживаются между незнакомыми людьми (недостаток «взаимопомощи», «уважения друг к другу», «честности», «ответственности»), сильнее проявлен среди этнического большинства страны.

В этнологических исследованиях хорошо известен факт, что в сравнении с россиянами иных национальностей русские (как этнокультурная общность) обладают меньшей консолидированностью [Козлов 1997: 317; Лурье 1997: 161]. (Не в последнюю очередь это вызвано тем, что постоянное освоение новых территорий вынуждало русских консолидироваться не между собой, а скорее с теми народами, среди которых они проживали¹.) Зафиксированная взаимная отчужденность и разобщенность россиян (и в большей мере — русских) обусловлена еще и тем, что русская культура за прошедший век понесла колоссальный ущерб — оказался практически разрушенным сам фундамент традиционной этнокультуры в виде общинных, горизонтальных норм взаимодействия, основанных на взаимопомощи, взаимном уважении, честности и ответственности. В позднейший период происходило размывание крестьянской общины, в советский период — насильственное разрушение религиозного сознания и создание принудительного коллективизма на основе утопических идеалов. Ущерб, нанесенный российской традиционной культуре в период революций 1905–1917 гг., во время сталинской индустриализации и дальнейшей экстенсивной урбанизации, а также под влиянием практик репрессивного государственного контроля проявился в эрозии дополитических оснований общественной солидарности, связанных с опытом продуктивного гражданского межличностного сотрудничества, взаимного уважения и поддержки, а также доверия социальным институтам, обеспечивающим местное самоуправление и порядок.

¹ Кузнецов И.М. Россия как контактная цивилизация. — *Полит.ру*. Январь 2007. Доступ: http://polit.ru/lectures/publ_lect/2007/01/ (проверено 05.05.2016).

Поэтому на этапе разрушения советской социальности и кризиса мировоззрения именно этничность и вера как наиболее архаичные и устойчивые формы аффилиации стали наиболее востребованным замещением советской идеологии. И сегодня мы наблюдаем у русских высокое этническое самосознание и высокую этническую солидарность при очевидном дефиците ценностей, связанных с поддержанием устойчивых горизонтальных связей, обеспечивающих становление структур гражданского общества.

Несмотря на то что статусное самосознание русских в советский период было высоким, их этническое самосознание было слабым и размытым. Русские (вместе с украинцами и белорусами) стали основными носителями советской культуры – русскоязычной по форме и при этом «внеэтнической» (или «надэтнической») по духу. Поэтому крушение Советского государства переживались русскими особенно болезненно. Инонациональные россияне вместе со свободой 1990-х гг. получили возможность развивать свою этническую культуру и религию, открыто общаться на родном языке. Русские же в 1990-х гг. переживали настоящий кризис этнического самосознания, и лишь к началу нулевых на массовом уровне началась реанимация веры и русской этничности.

Исследование позволяет прояснить еще один важный момент. Те желаемые качества русских, которые были выявлены как недостающие, указывают на свою смысловую противоположность, – те свойства русской ментальности, которые закреплены на уровне современной повседневной культуры и «в избытке» присутствуют в чертах русских как общности, но, возможно, недостаточно осмысливаются как препятствие для общественной самоорганизации. Так как русские ощущают дефицит взаимного уважения, честности, взаимопомощи и ответственности, то это с очевидностью указывает на то, что в их поведении и ментальности присутствуют противоположные негативные качества (антиценности) – пренебрежение друг другом, нечестность, отсутствие взаимопомощи, которые говорят о том, что в повседневных практиках современных россиян присутствует опыт социальной травмы, проявляющейся в виде разрыва социальных связей гражданской кооперации и солидарности.

Высокий уровень религиозности и патриотизма, свойственный сегодня россиянам, как раз обнаруживает эту потребность в восстановлении тесных и безопасных социальных связей, построенных на взаимной поддержке и уважении.

В результате болезненного опыта социальных трансформаций начала и конца XX в. оказался деформированным тот компонент российской традиционной культуры, который отвечает за формирование и поддержание общественно значимых мотиваций, воплощающих опыт продуктивного социального действия. И дело не в особой «патологичности» (как полагает А. Пелипенко) русской матрицы, а в том, что в русской (российской) культуре вследствие народного разочарования, крушения идеалов, социальных травм истощился «запас» социального капитала. Теоретики социального капитала [Коулман 2001; Патнэм 1996; Фукуяма 2006] указывают, что его сущность – в тесных межличностных контактах, построенных на доверии и нравственных основаниях. В результате двойного крушения государственности (в 1917 и 1991 г.), «переоценки ценностей» 1990-х гг. и последующей дискредитации этических норм, лежащих в основе культурных поведенческих образцов, российская культура вошла в состояние затяжного кризиса, суть которого – в истощении позитивных мотиваций, направленных на достижение общественного блага. Для продуктивного экономического и политического развития необходимо восстановление и наращивание социального капитала россиян (взаиморезультативность и взаимопомощь, доверие, нравственные нормы общежития), который оживит культуру, а культура предложит, актуализирует из собственных запасов жизнеспособные идеалы и ценности общественного раз-

вития. Есть основания считать, что это будут ценности религиозно окрашенного спектра, т.к. в ситуации утраты или деформации жизнеспособных культурных норм общежития именно универсальные, присущие всем традиционным религиям ценности и идеалы жизнеустройства в состоянии восполнить их дефицит.

*Статья подготовлена при поддержке РФФ,
проект № 14-18-01963.*

Список литературы

- Аузан А. 2010. *Национальные ценности и модернизация*. М.: ОГИ; Полит.ру. 192 с.
- Вундт В. 2002. *Психология народов*. М.: Эксмо. 863 с.
- Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 4-32.
- Клосс Б.М. 2012. *О происхождении названия «Россия»*. — М.: Рукописные памятники древней Руси. 152 с.
- Козлов В.И. 1997. *История трагедии великого народа. Русский вопрос*. М.: ИЭА РАН. 388 с.
- Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий. — *Общественные науки и современность*. № 3. С. 121-139.
- Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов* (под общ. ред. И.М. Клямкина). 2011. М.: Новое издательство. 540 с.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. 2009. *Культура как фактор общественного прогресса*. М.: ЗАО «Юстицинформ». 408 с.
- Лурье С.В. 1997. *Историческая этнология*. М.: Аспект Пресс. 448 с.
- Паин Э.А. 2009. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов. — *Общественные науки и современность*. № 6. С. 37-54.
- Патнэм Р. 1996. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem. 288 с.
- Пелипенко А.А. 2014. Проклятие «русской матрицы». — *Власть*. № 2. С. 17-20.
- Ресурс межэтнического согласия в Москве* (рук. проекта, отв. ред. Л.М. Дробижева). 2014. М.: ИС РАН. 124 с. Доступ: http://www.isras.ru/inab_2014_02.html (проверено 12.05. 2015).
- Рыжова С.В. 2011. *Этническая идентичность в контексте толерантности*. М.: Альфа-М. 280 с.
- Русская матрица: мифы и реальность. Материалы заочного круглого стола. 2014. — *Власть*. № 2. С. 15-65.
- Фурсов Ф., Пивоваров Ю. 1999. Русская система и реформы. — *Pro et Contra*. № 4. С. 176-196.
- Федотова В.Г. 2016. *Модернизация и культура*. М.: Прогресс-Традиция. 336 с.
- Фукуяма Ф. 2006. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию* (пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирыщенко, М. Колопотина). М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель. 730 с.
- Ясин Е.Г. 2003. *Модернизация экономики и система ценностей*. М.: ГУ–ВШЭ. 83 с.

RYZHOVA Svetlana Valentinovna, Cand.Sci.(Soc.), Leading Researcher at the Department of Ethnic Sociology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; Silica2@yandex.ru)

ON THE VALUE CHARACTERISTICS OF MODERN RUSSIAN ETHNIC IDENTITY

Abstract. *In the article, the interdisciplinary discussion about the nature of contemporary Russian ethnicity is considered. Based on the results of all-Russian national sociological research (monitoring of IS RAS, wave 2, 2015) the main value characteristics of modern Russians were revealed. The most popular ones were the qualities that reflect the shortage of positive civil interpersonal cooperation (such qualities as mutual respect, mutual support, and honesty). Drawing on the scarcity hypothesis of R. Inglehart the author makes a conclusion that the identity of the modern Russians reflects the experience of painful social transformations, of the deformation of social capital and traditional cultural foundations of interpersonal solidarity.*
Keywords: *ethnic identity, culture, values, social capital, modernization*

АНДРЕЕВА Екатерина Валерьевна — аспирант кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42; *Jamie-ulrich91@yandex.ru*)

ДЕРГУНОВА Нина Владимировна — доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42; *Comm3@yandex.ru*)

ПОТРЕБНОСТЬ В ОБЩЕНИИ С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье приведен анализ результатов интернет-опроса 106 русскоязычных выпускников российских вузов, эмигрировавших за рубеж. Изучены формы коммуникации молодых соотечественников друг с другом*

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, гражданская идентичность, национальная идентичность, миграция, молодежь*

Исследование посвящено такому аспекту проблемы, как выезд из России образованной молодежи, обладающей потребностью и возможностями (знание иностранного языка, знакомство с границей до миграции, либеральные ценности) свободной межкультурной коммуникации. Однако у молодежи есть и потребность в сохранении своей этнокультурной идентичности. Одним из его способов является общение с носителями русского языка и русской культуры в стране проживания.

Одним из факторов в данном процессе выступает деятельность государственных структур за границей, организующих общение соотечественников, в частности такой организации, как Россотрудничество. Фактором, поддерживающим общение, могут выступать и общественные структуры русскоязычных людей (молодежи) за рубежом, возникающие по их собственной инициативе. Возможно, местом общения русскоязычных мигрантов могла бы при определенных обстоятельствах стать церковь.